

УДК 930.85
ББК 63.3(2)53

Е.В. СЕВОСТЬЯНОВА

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ И ПРИЗРЕНИЕ СРЕДИ КАЗАЧЬЕГО НАСЕЛЕНИЯ ТРОИЦКОСАВСКОГО УЕЗДА ЗАБАЙКАЛЬЯ В ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: ЛОКАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА СОЦИАЛЬНЫХ ПРАКТИК

В статье анализируется практика призрения и благотворительности в локальном измерении тылового казачьего уезда, где в период Первой мировой войны кроме девяти станичных попечительств было открыто три благотворительных общества и Троицкосавское уездное отделение Забайкальского отдела Комитета ее Императорского высочества Великой княгини Елизаветы Федоровны по оказанию благотворительной помощи семьям лиц, призванных на войну.

Ключевые слова: благотворительность, призрение, казаки Забайкалья, Елизаветинский комитет, Первая мировая война, благотворительные общества.

E.V. SEVOSTYANOVA

CHARITY AND OVERSEE OF THE POOR AMONG THE COSSACKS OF TROITSKOSAVSK DISTRICT OF TRANSBAIKAL REGION DURING THE FIRST WORLD WAR: LOCAL SOCIAL PRACTICES

The author investigates the practice of charity in the dimension of local rear of the Cossack County, where during WWI, in addition to nine village Trustees, four charitable societies and the Troitskosavsk district Department of the TRANS-Baikal Department Of the Committee of her Imperial Highness Grand Duchess Elizabeth Fyodorovna were opened to provide charitable assistance to the families of persons called to war.

Keywords: charity, oversee of the poor, the cossacks of Transbaikal Region, the Elizabeth Committee, the First World War, social aid to the population.

На 1 января 1914 г. сельское население Забайкалья составляло 85,9 % и проживало в 58 волостях и 63 казачьих станицах восьми уездов. Казачество четырех военных отделов Забайкальского казачьего войска (ЗКВ) традиционно занимало земли в Селенгинском, Читинском, Нерчинско-Заводском, Акшинском, Нерчинском и Троицкосавском уездах, преобладая в трех последних. В целом земельного голода казачество не испытывало: накануне Первой мировой войны общая площадь земель ЗКВ составляла 10 млн десятин, включая свободные земли Акшинского (2 221 048 десятин) и Троицкосавского (1 645 114 десятин)

уездов. Однако при общей средней норме в 30 десятин на мужскую душу, земельные отношения были запутанными, площади казачьих наделов существенно различались [1, с. 21]. По данным П.А. Новикова, наиболее зажиточными были казаки 1 военного отдела, центр которого находился в Троицкосавске. В уезде в 1914 г. проживало 32 141 чел., в уездном центре — 10 878. В состав уезда входили 11 станиц: Николаевская, Цакирская, Атамано-Николаевская, Босинская, Желтуринская, Цаган-Усунская, Морочинская, Кударьинская, Шерагольская, Усть-Урлукская, Мензенская [9].

Казаки не подлежали сплошной мобилизации, призывались только на пополнение убыли своих частей. В 1914 г. общее число казаков строевого разряда превышало необходимую для укомплектования нижних чинов потребность на 6 529 человек. По данным Войскового хозяйственного правления (ВХП), на 1 января 1915 г. в ЗКВ числилось 282 офицера и 34 922 «готовых к службе» нижних чина, что составляло 29 % всего казачьего населения мужского пола [3, с. 6, 18]. По данным забайкальского Статистического отдела, в 1915 г. количество призванных по области (без городов) составляло 18 200 крестьян и 7750 казаков. Казенное пособие получали 6 393 казачьих семьи (80 % от всех семей мобилизованных) [7, с. 5; 13, с. 4].

Атаман I военного отдела ЗКВ полковник И.Н. Толстихин 5 августа 1914 г. призвал казачье население уезда «отнестись ответственно к делу оказания помощи» семьям мобилизованных казаков, «забыв все личные счета и неприязнь». Атаман распорядился учредить попечительство над имуществом казаков-одиночек — «хлеба и сено убрать общими силами или путем найма». Правительство ассигновало пособия призванным второй очереди конным казакам 75 р., пешим — 25 р., призванным третьей очереди конным — 125 р., пешим — 50 р. Деньги, оставшиеся после приобретения обмундирования и снаряжения лошадей, было разрешено «выдавать семьям по особым расчетным книжкам». Циркуляр был объявлен съехавшимся в Троицкосавк станичным атаманам и на станичных, поселковых и урочищных сборах. Однако не все атаманы отнеслись с должным рвением к распоряжению, поэтому 25 августа последовал повторный циркуляр, в котором полковник объявил, что халатное отношение к делу считает преступным, и впредь к провинившимся будут приниматься меры вплоть до суда, и им «не помогут никакие объяснения и канцелярские уловки» [6, д. 57, л. 63, 66].

Общее присутствие ВХП уже 1 августа 1914 г. констатировало, что в некоторых казачьих поселках невозможно найти наемную рабочую силу. Поэтому признало самым целесообразным организовать помощь семьям мобилизованных силами сельского общества «безвозмездно и добровольно, как это иногда делается между казаками». Однако взывая к казачьему братству («Друг за друга, Бог за всех»), распорядилось уста-

новить надзор со стороны поселковых атаманов и «уполномоченных, пользующихся особым уважением и доверием» [6, д. 57, л. 64].

Несмотря на мобилизацию в разгар полевых работ, уборка урожая в области прошла «вполне удовлетворительно». По мнению областного агронома В.Н. Шульженко, хороший урожай 1914 г., взаимопомощь населения и «широко развернувшаяся в области потребительская кооперация, державшая в деревне цены на предметы первой необходимости» облегчили положение сельского населения [11, с. 5]. Впрочем, военный губернатор отметил, что в осенний сезон 1914 г. не все жители станиц и урочищ были активны в оказании помощи. Потому весной 1915 г. предупредил, что если помощь не будет организована «на должном уровне», то он «строжайшим образом» взыщет «первым делом с поселкового или урочищного атамана, а потом и со станичного». В феврале 1915 г. был подписан приказ ЗКВ «Об оказании помощи в сельскохозяйственных работах семьям казаков, призванных по мобилизации», в котором Наказной атаман и военный губернатор А.И. Кияшко предписал «заблаговременно обсудить на станичных и поселковых сборах вопрос об организации помощи семьям своих односельчан». Каждый поселок рекомендовалось разбить на участки, количество которых равно количеству семей, нуждающихся в помощи, с тем, чтобы каждый участок «обслуживал одну назначенную ему семью». Каждый участок должен был выбрать ответственного «за исправное выполнение работ» для доклада поселковому сбору и разрешения «возможных конфликтов» [6, д. 57, л. 78].

По нашим данным, в период войны в уезде работало: 9 станичных попечительств по призрению низших чинов, призванных на войну (по закону 25 июня 1912 г.). Кроме того, были созданы четыре благотворительных общества, некоторые из которых имели свои подотделы: Троицкосавский комитет Общества повсеместной помощи пострадавшим на войне солдатам (казакам) и их семьям; Троицкосавский отдел Забайкальского общества помощи семьям лиц, призванным на действительную военную службу по мобилизации 1914 г.; Троицкосавское уездное отделение Забайкальского отдела Комитета ее Императорского высочества Великой княгини Елизаветы Федоровны по оказанию благотворительной помощи семьям лиц, призванных на войну (Елизаветинский комитет). В г. Троицкосавске был открыт Отдел Сибирского общества для подачи помощи раненым воинам.

Анализ деятельности попечительских комитетов и благотворительных обществ показал, что самой действенной благотворительной организацией была уездная комиссия Елизаветинского комитета: в уезде было открыто 10 сельских ее отделений и 18 других благотворительных учреждений работали под руководством Троицкосавской уездной комиссии.

Забайкальский отдел Елизаветинского комитета (который возглавлял военный губернатор) 12 января 1915 г. решил образовать уездные ко-

миссии отдела под председательством атаманов [6, д. 22, л. 1]. В состав комиссий от имени губернатора «приглашались все должностные лица». В состав исполнительного комитета Троицкосавской уездной комиссии Елизаветинского комитета вошли: уездный начальник, управляющий Кяхтинской таможней, мировой судья, помощник акцизного надзирателя, крестьянский начальник, полицмейстер, инспектор народных училищ, уездный наблюдатель за церковно-приходскими школами, городской голова, податной инспектор. В обязанности членов исполнительного комитета входили: сбор пожертвований, обсуждение ходатайств о пособиях, проведение обследования имущественного положения просителей, выработка мероприятий по оказанию разных видов помощи — трудовой, денежной, сельскохозяйственной и т.д., ведение финансовой отчетности. Троицкосавская комиссия заседала не менее двух-трех раз в месяц, количество обсуждаемых вопросов доходило иногда до сорока.

Призванные координировать социальную помощь областная и уездная власть оказались в сложном положении: с одной стороны, благотворительность признавалась делом добровольным, с другой стороны, специфика организации жизни казачьих поселений не могла не влиять на специфику руководства. Так священник Пророка-Ильинской церкви в январе 1915 г. написал рапорт военному губернатору о том, что члены комиссии Елизаветинского комитета Атаманово-Николаевского поселка «совершенно пассивно относятся к делу», «несмотря на все убеждения и просьбы, ничего не делают»: с ноября 1914 г. по январь 1915 г. не собрали ни рубля пожертвований [6, д. 35, л. 22]. Губернатор тут же отправил письмо поселковому атаману, в котором предложил «внушить» членам комиссии «относиться серьезнее» к делу. Однако священнику ответил, что исполнение обязанностей членами комиссии является добровольным и ни в коей мере не должно иметь принудительного характера. Изменилась и риторика обращений власти. Рассылая циркуляры, Наказной атаман ЗКВ использовал в них личные обращения и просьбы, характерные скорее для частной переписки, чем для начальственных распоряжений: «помогите мне в святом деле», «прошу Вас принять участие», «уверен в том, что Ваше участие будет чрезвычайно полезным» [7, д. 24, л. 11]. Советовал помогать не столько «раздачей начальнических указаний», сколько непосредственной работой и «сердечным отношением к делу» [6, д. 57, л. 28].

Троицкосавская Елизаветинская комиссия не только решала вопросы выдачи пособий, но и принимала частные пожертвования. Судя по отчетам, крупных пожертвований не было, суммы поступлений за месяц существенно разнились: за май 1916 г. поступило 2038 р. 94 к., а за сентябрь 1916 г. — 67 р. 91 к. [6, д. 60, л. 122]. Но в целом комиссии удавалось сохранять финансовую стабильность. Если на 1 октября 1915 г. на счету было 2777 р., то к 1 октября 1916 г. — 5804 р. 50 к. Часть средств

регулярно перечислял Забайкальский областной отдел Елизаветинской комиссии, но основная часть пожертвований собиралась в пределах уезда. За 1915 г. кружечные сборы дали 633 р. 63 к.; пожертвования по подписным листам — 402 р. 42 к.; отчисления со сборов общественных собраний и различных зрелищ — 540 р. 14 к.; отчисления от тарелочных церковных сборов — 36 р. 63 к.; ежемесячные отчисления процентов с жалования служащих составили 477 р. 11 к. [4, с. 10].

По смете Крестьянского присутствия и ВХП паек сельскому населению был установлен в сумме чуть больше трех рублей. В начале войны некоторые современники, в том числе и военный губернатор, считали, что в селе казенного пособия «при наличии своего хозяйства» вполне достаточно [6, д. 25, л. 8]. Атамано-Николаевская станичная комиссия Елизаветинского комитета в сентябре 1914 г. решила, что пособия от казны достаточно «при имеющемся хлебе», поэтому комиссия собирала пожертвования зерном с целью сохранения «до более скудного времени» (собрали 31 пуд зерна и 8 р. 90 к.). В начале войны и количество призываемых было небольшим, например, Морочинское станичное правление в 1914 г. призывало 7 семей. В 1915 г. в Атамано-Николаевской станице 24 семьи получили в пособие на три весенних месяца 664 р. (свыше 25 р. на семью) [6, д. 60, л. 37]. В 1915 г. Статистический отдел Забайкальского переселенческого района обнаружил в «части селений любопытную тенденцию» расширения запашки в зажиточных хозяйствах за счет средних и бедных хозяйств, а в некоторых и увеличение запашки средних хозяйств за счет казенного пособия [13]. Площадь пахотных земель, в том числе, увеличилась и в Троицкосавском уезде.

Часть современников предупреждали, что необходимо учитывать влияние войны не только на текущее хозяйственное положение, но и ее последствия в долгосрочной перспективе. Так, священник Николаевского приходского попечительства, призывающего 88 семей, писал, что совершенно недопустима ситуация, при которой семьи «вынуждены будут продавать хлеба и скот», поскольку тогда хозяйства «придут в окончательный упадок» [8, л. 20]. Члены Сельскохозяйственного общества полагали, что деревне, прежде всего, нужна не благотворительность, а «дешевый кредит», потому, что первая стимулирует пассивность, а не хозяйственную предприимчивость. Количество кредитных товариществ в Забайкалье, действительно, росло быстро: 1913 г. — 63, в 1914 г. — 93, в 1915 г. — 100, в начале 1916 г. — 116 [2, с. 10].

Рост цен и повторяющиеся призывы быстро нивелировали выгоды получения казенного пособия, особенно в городе. В условиях рискованного земледелия уровень жизни снижали и природные катаклизмы. В сентябре 1915 г. из-за половодья и обильных дождей многие покосы в уезде были уничтожены или попорчены. Положение спасло то, что часть станиц смогли накопить сена в Монголии. Выросли цены на дрова, так

для Троицкосавска дрова, ввиду отсутствия дровяного склада, доставлялись из Монголии по 4–5 р. за сажень [5, д. 14358, л. 59]. Снизились и уровень пожертвований.

Троицкосавское городское попечительство в 1916 г. сообщало, что средств не хватает, благотворительных сборов поступает всего 760 р. в месяц, но на призрение 335 семейств необходимо еще хотя бы по три рубля на семью. В июле 1916 г. солдаты Троицкосавска отправили коллективное ходатайство (от 19 чел.) об увеличении пайкового пособия. К 1 июня 1917 г. паек в г. Троицкосавске составлял 7 р. 64 к., в станицах чуть больше 4 р. Тогда же Совет солдатских депутатов решил ходатайствовать перед Временным правительством об увеличении нормы довольствия, введении «других, сверх положенного, продуктов, одинаковых для города и села» [10].

Казачьи поселки нуждались не столько в деньгах, сколько в рабочих руках. У казачек были лошади и быки для работы, но не было работников, которых можно было нанять. Когда с 1915 г. в области активизировалась работа по обеспечению сельских поселений техникой, население поначалу отнеслось с недоверием. Атаманы доносили, что при опросе о приобретении машин «население давало неопределенные уклончивые ответы», а потому вряд ли будет возможность «широкого применения» техники. В 1915 г. в уезд было прислано три жатки и три сенокосилки, в конце года при помощи областной агрономической организации была приобретена молотилка [8, с. 26]. На предложение уездной комиссии Елизаветинского комитета сплавить ее в поселки по рекам Джиде и Чикою, три поселка согласились, а шесть отказались. К весне 1916 г. в уезд было отправлено шесть сенокосилок, пять конных грабель, шесть жаток. Тогда же атаман 1-го военного отдела ЗКВ распорядился командировать на курсы монтеров двух оружейников из мастерской Управления 1-го военного отдела. Окончив курсы, они помогали в сельхоз. работах семьям мобилизованных, а «по окончании этой помощи», всем сельчанам. В 1915 г. некоторые кредитные товарищества получили триеры и веялки от агрономической организации «на особых правилах», утвержденных военным губернатором. В отчете областной агрономической организации отмечалось, что «положено начало совместной деятельности агрономической организации и кооперативов в деле создания в области прокатных и зерноочистительных пунктов», которые работали бесплатно, оказывая помощь семьям мобилизованных [5, д. 5274, л. 9].

Одной из порожденных войной форм помощи семьям мобилизованных было формирование ученических дружин для помощи в уборке урожая. Однако такая практика в Забайкалье не получила распространения. В уезде в 1916 г. в дружину вошли 21 ученик Троицкосавского реального училища [6, д. 57, л. 102]. Но казачки не видели эффективности в использовании ученического труда, ссылались на трудности определения

результата работ (а значит, и оплаты). Не получило распространения и использование труда военнопленных. Казачьи поселки отказывались, мотивируя малой численностью населения поселков, дальностью расстояний, ссылались на непригодность военнопленных к местным условиям и дороговизну их содержания и охраны.

В Забайкалье пожертвования активно собирали буряты, однако помощь коренного населения в разных уездах не была равноценной. Троицкосавская уездная комиссия в своем протоколе отметила, что, «инородческое население, в отличие от его активной помощи в Селенгинской волости прислало 50 р. казакам Цаган-Усунской станицы [6, д. 25, л. 55]. Казачьему же населению других станиц помощи не было оказано «ни в какой форме». В Нарынском поселке крестьяне получили помощь от инородцев Армакской волости, а проживающие там казаки — нет. Вероятно, это можно объяснить тем, что буряты значительные пожертвования вносили в областной отдел Елизаветинского комитета, который помогал всем уездным комиссиям [12, с. 63]. Только за период со дня мобилизации и до 14 мая 1915 г. бурятами было перечислено на счет отдела 13 259 р.

Процедура выдачи и оформления благотворительного пособия не регламентировалась законом, кроме общих указаний о необходимости учитывать имущественное положение, возраст детей, состав семьи. На местах превентивными мерами против злоупотреблений были коллективное принятие решения, строгая отчетность и выбор в распорядительные комиссии лиц, которые «пользуются уважением и полным доверием» [6, д. 19, л. 41]. В начальный период деятельности благотворительных обществ и комиссий (при отсутствии согласованности и опыта принятия коллективных решений, при отсутствии ясных «параметров нужды») разногласия иногда приводили к конфликтам. В Николаевской станице было даже решено комиссию Елизаветинского комитета разделить на две отдельные (Нарынскую и Атамано-Николаевскую). Причиной стала проверка расписок о выдаче пособий. Выяснилось, что «председатель (священник) неверно единолично выдает пособия и большая их часть выдана казачкам своего прихода». Было решено выдачу пособий протоколировать, дабы решение было не единоличным, а коллегиальным. В мае 1916 г. атаман Толстихин, «проезжая по станицам», вновь обратил внимание, что в некоторых поселковых Елизаветинских комиссиях члены комиссий «даже не посещают заседания», потому решения носят «не коллективный, а личный характер» [6, д. 60, л. 111, 116].

Как только процедура проверки имущественного состояния была отлажена, уездная и сельские комиссии Елизаветинского комитета стали фиксировать ложные жалобы на крайнюю нужду. Так, казачка Агафья Панькова имела на семерых едоков и двух работниц 6 десятин пашни,

6 десятин паров, заложенных на 1918 г., 6 десятин жнивья, 2,5 десятины покоса, 10 лошадей, 8 коров, получала 5,5 пайков казенного пособия. Могла обработать своими силами шесть десятин и на обработку еще трех просила пособия в 96 р. [6, д. 25, л. 25].

При наличии нескольких благотворительных обществ и комитетов, при отсутствии согласованности в их действиях некоторым казачкам удавалось получать пособия в разных благотворительных организациях. Так курьезная случайность помешала получать пособия от четырех благотворительных обществ и попечительств Читы и Троицкосавска жене канонира Ильканской станицы Троицкосавского уезда Прасковье Акуловой, по делу которой сохранилась многостраничная переписка, в которую были втянуты военный губернатор, ВХП, полиция, представители уездной комиссии Елизаветинского комитета в Троицкосавске, правление Забайкальского областного отдела Елизаветинского комитета, правление Забайкальского Общества оказания помощи призванным по мобилизации 1914 г. Солдатка просила 20 р. для проезда от Усть-Кяхты до Читы, полицмейстер Троицкосавска подтвердил, что просительница нуждается, очередное пособие выдали. Однако протокол заседания комиссии прочитал военный губернатор, заметивший, что председатель уездной комиссии Елизаветинского комитета атаман Толстихин не знает о перемене названия станицы. В 1915 г. станица Ильканская была переименована в честь губернатора в Кияшковскую. В результате Толстихин получил письмо от губернатора с упреком в невнимательности и припиской о том, что «эта П. Акулова обращается всюду, где только можно получить деньги» [6, д. 44, л. б/н]. В итоге было решено «прекратить всякое участие» в судьбе казачки.

Значительная часть казачек пережили осень 1915 г., когда многие покосы в уезде были уничтожены, выдержали суровую зиму и падеж скота, жили на казенное пособие не только безбедно, но и увеличили количество скота и другого имущества. Многие скопили денег, а одна даже приобрела небольшой дом. В мае 1915 г. председатель Троицкосавской уездной комиссии Елизаветинского комитета и член комиссии Полилов объехали уезд. Было обследовано 250 дворов, указанных как «наиболее нуждающиеся» [6, д. 25, л. 102]. Выяснилось, что все семьи вполне обеспечены казенным пособием, за исключением немногих случаев бедности, которые обусловлены «их общей несостоятельностью и в обычное время». В итоге нуждающимися были признаны только 18 семей.

В целом за 1915 г. комиссией Елизаветинского комитета благотворительная помощь была оказана в 342 случаях на сумму 6 215 р. 43 к.

В мае 1916 г. члены комиссии, обследовав «лично и подворно» 42 солдатских семьи в Усть-Кяхте, решили, что 16 просительниц в пособии не нуждаются «ввиду совершенно удовлетворительного состояния хозяйств» (26 получили от 5 до 12 р.). Некоторые солдатки

заявляли, что свободно могут обойтись и без посторонней помощи, а ходатайства ими поданы «по примеру других» [6, д. 60, л. 86, 87]. Были и те, кто отказывались от ходатайства, как только узнавали, что пособие не будет выдано деньгами на руки, а «будет уплачено за работы по посеву» наемным рабочим.

В 1915–1916 г. были отдельные случаи, когда казачки, узнав, что деньги на руки выдавать не будут, «чинили оскорбления», требовали выдать всем по равной сумме «дарственных денег», грозили жаловаться губернатору, императрице, кричали, что в получаемых с фронта письмах мужья рассказывают о том, что власть обязана заботиться о каждой семье.

Отметим, что при создании благотворительных комиссий и обществ оговаривалась возможность помощи демобилизованным воинам, но такие случаи были единичными. Так, в 1915 г. казаку П. Карандаеву и рядовому 12 Сибирского стрелкового полка Н. Терebilкину была выдана полная экипировка: фуфайки, кальсоны, полушубки, рукавицы, теплые чулки, рубахи, сапоги, валенки, шаровары, портянки на сумму 42 р. 52 к. [6, д. 44, л. 59, 60].

Попытка установить строгую финансовую отчетность бюрократизировала благотворительность: требовались журналы входящей и исходящей документации, приходно-расходные книги, квитанции, протоколы заседаний с характеристикой рассмотренных ходатайств и отчетом об обследовании просителя, отчеты о расходовании средств. В 1916 г. Забайкальское отделение Елизаветинского комитета решило ввести единые книжки для всех получающих благотворительные пособия, где отмечалось бы имущественное положение просителя, сумма полученного пособия и то, каким обществом или комитетом она выдана. Троицкосавская уездная комиссия Елизаветинского комитета (единственная в области) выступила против такого решения, мотивируя дальностью расстояний, сложностью учета, малой численностью членов.

В целом в уезде стройная общественно-государственная система признания и благотворительности сложиться не успела, но путем проб и ошибок были определены наиболее эффективные принципы оказания благотворительной помощи. Во-первых, не выдавать пособий без тщательной проверки материального положения нуждающихся. Во-вторых, деньги выдавать «не вообще в пособие», а строго на определенные потребности — на уборку десятины хлебов, на покупку сена и т.д. За целевое использование выданных денег получившего пособие лишать права на его получение. В-третьих, размер пособия устанавливать дифференцированно, в зависимости от степени нужды. Кроме того, были согласованы принципы взаимодействия с агрономической организацией, с кооперативами. Забайкальский отдел Елизаветинского комитета к концу 1915 г. создал в области сеть уездных комиссий, которые, в свою очередь, открыли 155 сельских отделений. К 1917 г. была выработана

процедура учета нуждающихся, определена единая форма и сроки подачи сведений о них, но политические события нарушили сложившийся порядок действий.

Список использованной литературы и источников

1. Андреев Ч. Г. Из истории земельного положения Забайкальского казачьего войска в конце XIX — начале XX века / Ч. Г. Андреев // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2016. — Иркутск : Изд-во БГУ, 2016. — С. 121–128.
2. Герте. Что делать кредитным товариществам с избытком средств / Герте // Забайкальский хозяин. — 1916. — № 3. — С. 10.
3. Годовой отчет о состоянии Забайкальского казачьего войска за 1914 г. по военной части. — Чита : Типография Войскового хоз. правления, 1915. — 43 с.
4. Голованов И. Сельскохозяйственная помощь призванным / И. Голованов // Забайкальский хозяин. — 1916. — № 5-6. — С. 9–12.
5. Государственный архив Забайкальского края (ГАЗК) — Ф. 1. — Оп. 1.
6. ГАЗК. — Ф. 12. — Оп. 1.
7. С. В. Некоторые данные о хозяйственном положении семей, призванных в армию / С. В. // Забайкальский хозяин. — 1915. — № 16. — С. 4–6.
8. Сельскохозяйственная помощь в Забайкалье призванным на войну // Забайкальский хозяин. — 1915. — № 15. — С. 26.
9. Малая энциклопедия Забайкалья: власть и общество : в 2 ч. / гл. ред. Р. Ф. Гениатулин. — Новосибирск : Наука, 2013. — Ч. 2. — 579 с. — Режим доступа : <http://encycl.chita.ru/encycl/person/?id=9052>.
10. О пособии семьям // Известия Забайкальского областного Комитета общественной безопасности. — 1917. — 9 июня.
11. Проект мероприятий по оказанию сельскохозяйственной помощи семьям запасных Забайкальской области в 1915 г. Доклад областного агронома // Забайкальский хозяин. — 1915. — № 8. — С. 5.
12. Севостьянова Е. В. Благотворительность в Забайкалье как форма провинциальной городской публичности: трансформации в период первой мировой войны (1914–1918 гг.) / Е. В. Севостьянова // Приграничный район в историческом развитии: партнерство и сотрудничество : материалы Междунар. науч. конф. — Чита : ЗабГУ, 2017. — Ч. 1. — С. 62–67.
13. Соколов В. Н. Обработка и обсеменение полей в семьях запасных и ратников ополчения Забайкальской области в 1915 г. По сообщениям добровольных корреспондентов Статистического Отдела / В. Н. Соколов. — Чита : Эл. тип. Бергут, 1915. — 40 с.

Информация об авторе

Севостьянова Елена Васильевна — кандидат исторических наук, доцент, кафедра мировой экономики, предпринимательства и гуманитарных дисциплин, Читинский институт (филиала) Байкальского государственного университета, 672000, г. Чита, ул. Анохина, 56, e-mail: Sevostyanova.elena@mail.ru.

Author

Elena V. Sevostyanova — Ph.D. in History, Associate Professor, Department of World Economy, Enterprise and Humanitarian Disciplines, Chita Institute (branch) of Baikal State University, 56, Anokhin St., Chita, 672000, e-mail: Sevostyanova.elena@mail.ru.